

УДК 321

DOI: 10.34670/AR.2026.16.11.013

Институциональное проектирование экономической политики РФ в условиях глобальной конкуренции климатических нарративов

Шальнев Андрей Николаевич

Аспирант,
Высшая школа социально-гуманитарных наук,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
115054, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: and.shalnev@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются теоретико-методологические основания анализа экономической политики Российской Федерации в контексте глобального энергетического перехода. Обосновывается подход, рассматривающий климатическое регулирование не как единый согласованный процесс, а как поле конкуренции институциональных проектов, продвигаемых различными группами интересов. С опорой на теорию коллективных действий М. Олсона и концепцию «распределительных коалиций» анализируется специфика формирования низкоуглеродной повестки как результата политико-экономического торга. Выявляются особенности институциональной среды российской энергетики, определяющие конфигурацию акторов и механизмы артикуляции интересов. Раскрывается дихотомия «глобальный – суверенный» климатический проект как ключевая проблема современного этапа. Делается вывод о формировании в РФ модели «суверенной климатической политики», интегрирующей элементы низкоуглеродного развития с приоритетами национальной конкурентоспособности и технологической безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Шальнев А.Н. Институциональное проектирование экономической политики РФ в условиях глобальной конкуренции климатических нарративов // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 2А. С. 121-129. DOI: 10.34670/AR.2026.16.11.013

Ключевые слова

Институциональный проект, экономическая политика, низкоуглеродное развитие, климатическое регулирование, группы интересов, распределительные коалиции, нарративный анализ, энергетический переход, Российская Федерация, суверенитет.

Введение

Климатическая повестка превратилась в один из ключевых факторов, определяющих трансформацию экономической политики современных государств. Однако, как справедливо отмечается в новейших исследованиях, глобальное климатическое регулирование не является результатом согласованного коллективного выбора всего мирового сообщества. Его корректнее рассматривать как конкуренцию отдельных институциональных проектов, один из которых в силу определённых политико-экономических обстоятельств занимает место глобального [Курбатова, 2024; Олсон, 1996]. Такой подход открывает новые возможности для политологического анализа: в фокус внимания попадают не столько технические параметры декарбонизации, сколько властные отношения, интересы и стратегии различных групп, борющихся за продвижение своих представлений о должном климатическом будущем.

Для Российской Федерации, чья экономика исторически опирается на добычу и экспорт углеводородов, понимание этой конкурентной природы климатического регулирования имеет принципиальное значение. Выработка национальной стратегии низкоуглеродного развития неизбежно происходит в поле пересечения внешних вызовов (трансграничное углеродное регулирование, технологическая гонка) и внутренних институциональных ограничений (структура экономики, конфигурация элит, сложившиеся модели принятия решений).

Материалы и методы

Классическая экономическая теория рассматривает климат как глобальное общественное благо, а изменение климата — как негативный внешний эффект (экстерналию), требующий интернализации через согласованные действия государств. Однако, как показывает практика, за почти три десятилетия климатических переговоров (от Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. до Парижского соглашения 2015 г. и далее) согласование интересов остаётся крайне сложной задачей. Причина этого, с позиций политической науки, кроется в том, что издержки и выгоды от климатической политики распределяются крайне неравномерно.

Продуктивным инструментом анализа здесь выступает теория коллективных действий Мансура Олсона. Согласно Олсону, группы с концентрированными интересами (небольшие, хорошо организованные) имеют гораздо больше возможностей для достижения своих целей, чем большие группы с диффузными интересами (например, всё население планеты, заинтересованное в стабильном климате) [Опыт формирования и развития институтов и механизмов управления в электроэнергетике и ВИЭ в России, 2024; Курбатова, 2024]. Малые группы могут эффективно мобилизовать ресурсы, заблокировать невыгодные для себя решения и лоббировать те, которые приносят им ренту. Применительно к климатической политике это означает, что её содержание определяется не столько научным консенсусом или волей «мирового сообщества», сколько соотношением сил между узкими группами интересов, имеющими концентрированные выгоды от тех или иных решений.

Развивая эту логику, современные исследователи вводят понятие «распределительных коалиций» (*distributional coalitions*). Это группы, которые ориентированы не на увеличение общественного богатства, а на перераспределение существующего в свою пользу через механизмы политического влияния [Курбатова, 2024; Олсон, 1996]. В контексте климатического регулирования такими коалициями выступают, с одной стороны,

традиционные углеводородные отрасли (нефть, газ, уголь), а с другой — формирующийся «зеленый» альянс, включающий производителей оборудования для ВИЭ, финансовые институты, развивающие «зеленые» инвестиции, и часть экспертного сообщества.

Исследования показывают, что сложившееся глобальное климатическое регулирование может быть рассмотрено как институциональный проект — целенаправленная деятельность по созданию и закреплению определённых норм, правил и практик, отвечающих интересам конкретных групп акторов [Курбатова, 2024]. Ядром этого проекта стал энергопереход — замена ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии. Почему именно эта модель получила статус глобальной?

Ответ лежит в политико-экономической плоскости. Основными бенефициарами энергоперехода выступают:

- развитые страны (прежде всего, страны ЕС), которые являются разработчиками и поставщиками соответствующих технологических и управленческих решений (ветротурбины, солнечные панели, системы накопления энергии, углеродного учёта);
- финансовый сектор, получающий новые инструменты для инвестирования («зеленые» облигации, углеродные кредиты, ESG-рейтинги) и возможности для расширения своего влияния [Курбатова, 2024; Малых, 2025];
- формирующаяся «зеленая» промышленность, заинтересованная в создании преференциальных условий через механизмы государственной поддержки и протекционизма.

Для легитимации этого проекта используются громкие нарративы: «приближающейся катастрофы», необходимости достижения «чистого нуля» (net-zero) и участия в «гонке за нулем» (race to zero) [Курбатова, 2024; Олсон, 1996]. Эти нарративы, многократно воспроизводимые в медиа, экспертных докладах и политических заявлениях, создают ощущение неотложности и безальтернативности предлагаемого пути. Они работают на то, что Олсон называл «эксплуатацией большинства меньшинством»: широкие массы населения принимают налагаемые издержки (рост цен, структурные изменения), тогда как концентрированные выгоды достаются узким группам — владельцам и менеджменту «зеленых» технологий, финансовым спекулянтам на углеродных рынках.

В ответ на доминирование глобального климатического проекта ряд стран (включая Россию) начинают формировать альтернативные подходы, которые можно обозначить как «суверенные климатические политики» [Россия на мировом энергетическом рынке, 2025]. Их суть не в отрицании климатической проблемы, а в отказе от слепого следования внешне заданным рецептам. Суверенный проект предполагает:

- учёт национальной структуры экономики и энергодбаланса;
- акцент на технологическом суверенитете и развитии собственных компетенций;
- использование климатической повестки для решения внутренних задач модернизации и диверсификации;
- активное участие в формировании новых правил игры, а не пассивное принятие чужих.

Как отмечается в литературе, выход из «ловушки гонки за нулем» предполагает разработку странами собственных стратегий, ориентированных на социально-экономическое развитие с учётом сокращения влияния на климатическую систему, а не на формальное достижение абстрактных показателей [Курбатова, 2024]. Именно в этой логике и выстраивается современная российская климатическая политика.

Применение теории групп интересов к анализу российской энергетической политики требует учёта особенностей национальной институциональной среды. В современной России сложилась модель, которую исследователи характеризуют как этатистско-корпоративистскую [Зойдов и др., 2025; Опыт формирования..., 2024]. Её ключевые черты:

- государство выступает не только регулятором, но и ключевым экономическим игроком, контролируя значительную часть активов в ТЭК через госкорпорации («Газпром», «Роснефть», «Росатом»);
- лоббизм носит преимущественно «внутренний» характер, осуществляясь через административные структуры и близость к лицам, принимающим решения, а не через открытые публичные каналы;
- формальные институты (законы, стратегии) дополняются устойчивыми неформальными практиками согласования интересов.

Такая конфигурация создаёт специфические условия для формирования «распределительных коалиций» в сфере низкоуглеродного развития. Здесь не работают в чистом виде западные модели плюралистического лоббизма. Влияние группы определяется её близостью к центрам принятия решений и способностью встроить свои интересы в официально провозглашённые государственные приоритеты.

В поле низкоуглеродной политики РФ можно выделить несколько групп акторов с различными интересами и стратегиями их продвижения.

Государственные ведомства демонстрируют функциональное разделение позиций. Министерство экономического развития, отвечающее за международную климатическую повестку, склонно учитывать риски трансграничного углеродного регулирования и поддерживать интеграцию в глобальные процессы [Дорохин, Волкова, 2025; Климатическая доктрина РФ, 2023]. Министерство энергетики, исторически ориентированное на поддержку традиционных отраслей, занимает более осторожную позицию, акцентируя технологическую нейтральность и диверсификацию. Министерство промышленности и торговли фокусируется на возможностях локализации производства оборудования для ВИЭ как задаче промышленной политики [Малых, 2025].

Компании ТЭК демонстрируют дифференциацию интересов. Нефтегазовые гиганты («Газпром», «Роснефть», «НОВАТЭК») рассматривают низкоуглеродные проекты преимущественно как инструмент сохранения доступа на внешние рынки (особенно в части СПГ и водорода) и снижения собственного углеродного следа [Зойдов и др., 2025; Опыт формирования..., 2024]. Для них это защита основного бизнеса. Компании электроэнергетического сектора («Интер РАО», «РусГидро») и игроки на рынке ВИЭ (включая структуры «Росатома» — «НоваВинд») напрямую заинтересованы в государственной поддержке (программы ДПМ ВИЭ), льготах и преференциях [Опыт формирования..., 2024].

Экспертное сообщество и институты развития (ИМЭМО РАН, ИНП РАН, Сколково, ВЭБ.РФ, РЭА Минэнерго) выполняют функцию производства и легитимации знаний. Их дискурс, как правило, выдержан в технократическом ключе и акцентирует необходимость баланса между экологическими целями и задачами социально-экономического развития [Зойдов и др., 2025].

Ключевой политической технологией в российской модели выступает «встраивание» в государственные приоритеты. Любая отраслевая инициатива должна быть увязана с официальными национальными целями: технологическим суверенитетом, диверсификацией экономики, повышением энергоэффективности, выполнением международных обязательств

(Парижское соглашение) [Климатическая доктрина РФ, 2023; Россия на мировом энергетическом рынке, 2025]. Успех лоббистской кампании зависит от способности представить проект не как уступку внешнему «зеленому» давлению, а как инструмент решения внутренних задач развития.

Важную роль играет формирование коалиций под конкретные проекты. Примером служит развитие водородной энергетики, продвигаемое через консорциумы, объединяющие «Росатом», «Газпром», «Роснефть» и профильные научные центры [Зоидов и др., 2025; Опыт формирования..., 2024]. Это позволяет демонстрировать власти единство отрасли и снижать риски принятия несогласованных решений.

Используются также площадки согласительных процедур: комиссии при Президенте и Правительстве, парламентские слушания, экспертные советы при министерствах. Как отмечают исследователи, эффективность этих площадок определяется не столько их формальным статусом, сколько неформальными связями и репутацией участников [Опыт формирования..., 2024].

Наконец, важным инструментом является формирование экспертного консенсуса через публикацию докладов, организацию конференций. Это придаёт предлагаемым решениям статус объективного, научно обоснованного знания [Köhnke et al., 2024].

Результаты

Сложность современного этапа заключается в необходимости согласования разнонаправленных интересов в рамках единой государственной стратегии. Исследования показывают, что даже в странах с развитой «зеленой» промышленностью не происходит автоматического усиления климатической политики, поскольку интересы «зеленого» бизнеса часто сосредоточены на получении узких отраслевых преференций, а не на продвижении общего ужесточения регулирования [Станкевич, 2025].

В российском контексте, с доминированием традиционного углеводородного сектора, формирующаяся стратегия неизбежно носит компромиссный, гибридный характер [Малых, 2025]. Она включает:

- поддержку ВИЭ через механизмы ДПМ (договоров предоставления мощности);
- стимулирование технологий улавливания и хранения углерода;
- развитие водородных проектов как экспортно-ориентированного направления;
- сохранение приоритетного развития традиционной энергетики;
- избегание жёстких принудительных мер (высоких налогов на выбросы), способных нанести урон конкурентоспособности.

Эта гибридность отражает объективную политическую реальность: в условиях множественности интересов и отсутствия доминирующей «зеленой» коалиции, способной провалить радикальные меры, политика формируется как результат сложного балансирования.

Российская климатическая политика прошла существенную эволюцию. Если в 2000-е годы доминировал скептицизм в отношении антропогенной природы изменений климата, то в последние годы сформировался прагматичный подход, признающий значимость климатической повестки, но трактующий её в контексте национальных интересов [Климатическая доктрина РФ, 2023; Россия на мировом энергетическом рынке, 2025].

Ключевыми вехами стали: ратификация Парижского соглашения (2019), утверждение Стратегии низкоуглеродного развития до 2050 года (2021) и принятие обновлённой

Климатической доктрины (2023), закрепившей цель достижения углеродной нейтральности не позднее 2060 года [Климатическая доктрина РФ, 2023; Россия на мировом энергетическом рынке, 2025]. Важно подчеркнуть, что эта цель позиционируется именно как национальный ориентир, а не как уступка внешнему давлению.

Как отмечают официальные лица, Россия, «имея один из наиболее чистых энергетических балансов в мире» и высочайшие поглощающие способности экосистем, должна наращивать свои преимущества и играть активную роль в формировании новой климатической парадигмы [Станкевич, 2025]. Этот тезис фиксирует важный сдвиг: от пассивного следования к активному участию в конструировании правил игры.

Введение Европейским Союзом трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) стало серьёзным вызовом для российских экспортёров. По оценкам, этот механизм может привести к снижению ВВП России на 0,12% и падению экспорта на 0,86%, с наиболее существенными потерями для металлургии и химической промышленности [Россия на мировом энергетическом рынке, 2025].

Реакция России на этот вызов демонстрирует логику суверенной климатической политики. Добиваясь политико-правовое оспаривание, Россия инициировала консультации с ЕС в ВТО, указывая на дискриминационный характер СВАМ [4; 7 Россия на мировом энергетическом рынке, 2025; Станкевич, 2025]. Затем последовала активизация сотрудничества с Китаем по линии взаимного признания «зеленых» сертификатов и гармонизации подходов к углеродному учёту (Совместное заявление о развитии сотрудничества в сфере низкоуглеродного развития, 2024) [Россия на мировом энергетическом рынке, 2025]. Итогом же стало развитие собственной системы углеродного регулирования: запуск Сахалинского эксперимента как пилотной площадки для отработки механизмов квотирования и торговли углеродными единицами, который должен стать основой для национальной системы [Климатическая доктрина РФ, 2023].

Заключение

Так, ключевым элементом суверенного климатического проекта становится задача обеспечения технологического суверенитета в сфере низкоуглеродной энергетики. Это означает, что развитие ВИЭ и водородных технологий рассматривается не столько как вклад в декарбонизацию, сколько как возможность создания новых высокотехнологичных отраслей, способных заместить импорт и выйти на внешние рынки.

Как отмечается в Энергетической стратегии РФ до 2050 года, приоритетными направлениями являются: развитие собственных технологий производства оборудования для ВИЭ, водородной энергетики, атомной энергетики с технологией безотходного цикла, а также укрепление позиций на перспективных рынках Африки и Азии [Климатическая доктрина РФ, 2023].

Эта логика принципиально отличается от логики глобального проекта, где развитые страны выступают поставщиками технологий, а развивающиеся — их получателями. Россия стремится занять позицию технологического донора в тех нишах, где имеет конкурентные преимущества (атомная энергетика, отчасти — водород), и самодостаточного производителя в других сегментах.

Складывающаяся ситуация может быть охарактеризована как переход от монополярной модели климатического регулирования (глобальный проект энергоперехода) к полицентричной, в которой сосуществуют и конкурируют различные институциональные проекты.

Как отмечается в теоретических работах, полицентрический подход к решению климатической проблемы может быть более эффективным, чем навязывание единой модели, поскольку он лучше учитывает локальные условия и предпочтения [Климатическая доктрина РФ, 2023]. В этом контексте роль России видится не в блокировании климатической повестки, а в участии в формировании её многовариантного будущего.

Активное взаимодействие с Китаем по линии «зеленых» стандартов, развитие сотрудничества в рамках БРИКС и ЕАЭС, продвижение собственных наработок (например, сахалинского опыта) — всё это элементы стратегии по конструированию альтернативных или дополнительных к западным механизмов климатического регулирования.

Библиография

1. Аузан А.А. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 448 с.
2. Дорохин А.Г., Волкова А.И. Политика ЕС в области декарбонизации и достижения экологической устойчивости // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 453–464.
3. Зойдов К.Х., Борталевич С.И., Вавулин В.А., Круглова Л.О. Организационно-экономические механизмы развития энергетической отрасли России в контексте энергостратегии до 2050 года // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 5. – С. 5–17.
4. Карбоновые фонды: драйверы зеленого перехода по всему миру // Международный центр зеленых технологий и инвестиционных проектов. – 25.12.2024. – Режим доступа: <https://igtipc.org/2024/12/25/8122/>.
5. Климатическая доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 26.10.2023 № 812 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 44. – Ст. 7865.
6. Курбатова М.В. Институциональный проект глобального климатического регулирования // Экономическая наука современной России. – 2024. – № 2. – С. 38–52.
7. Курс на углеродную нейтральность: как Россия будет выстраивать климатическую политику до 2060 года // ФедералПресс. – 05.06.2025. – Режим доступа: <https://fedpress.ru/news/77/society/3383484>.
8. Малых Е.Б. Россия на мировом энергетическом рынке: вызовы и приоритеты // Экономика и управление. – 2025. – Т. 31, № 9. – С. 1131–1139.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.
11. Об утверждении Стратегии низкоуглеродного развития Российской Федерации на период до 2050 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 44. – Ст. 7455.
12. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – 432 с.
13. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1996. – 174 с.
14. Опыт формирования и развития институтов и механизмов управления в электроэнергетике и ВИЭ в России // Экономические стратегии. – 2024. – № 6. – С. 5–17.
15. Станкевич Ю. РФ будет играть активную роль в формировании новой климатической парадигмы // Парламентская газета. – 23.01.2025. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/deputat-rf-budet-igrat-aktivnuyu-rol-v-formirovanii-novoy-klimaticheskoy-paradigmy.html>.
16. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.04.2025 № 698-р // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 15. – Ст. 2670.
17. Воловик В.В., Фурса Е.В., Маслокова Е.В. Экономическая идеология и экономическая политика в зеркале нарративов // Journal of Economic Regulation. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 22–38.
18. ELEVATE Project. Report on barriers for sectoral entry points by country groups: Project Deliverable D3.2. – Zenodo, 2025. – 85 p.
19. Green industrial policy: challenges and opportunities for a globally inclusive and fair energy transition / Mistra Geopolitics, Stockholm Environment Institute. – Stockholm, 2025. – 48 p.
20. Köhnke F., Steuri B., Baetcke L. et al. A storyline approach: integrating comprehensive, interdisciplinary research results to create narratives – in the context of the net-zero target in Germany // Frontiers in Environmental Science. – 2024. – Vol. 12. – Article 1447025.

Institutional Design of the Economic Policy of the Russian Federation in the Context of Global Competition of Climate Narratives

Andrei N. Shal'nev

Postgraduate Student,
Higher School of Social Sciences and Humanities,
Plekhanov Russian University of Economics,
115054, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: and.shalnev@gmail.com

Abstract

The article examines the theoretical and methodological foundations for analyzing the economic policy of the Russian Federation in the context of the global energy transition. An approach is substantiated that views climate regulation not as a single coordinated process, but as a field of competition among institutional projects promoted by various interest groups. Drawing on M. Olson's theory of collective action and the concept of "distributional coalitions," the specificity of the formation of the low-carbon agenda as a result of political-economic bargaining is analyzed. The features of the institutional environment of the Russian energy sector, which determine the configuration of actors and the mechanisms for articulating interests, are identified. The dichotomy of the "global vs. sovereign" climate project is revealed as a key problem of the current stage. It is concluded that a model of "sovereign climate policy" is being formed in the Russian Federation, integrating elements of low-carbon development with the priorities of national competitiveness and technological security.

For citation

Shal'nev A.N. (2026) *Institutsional'noye proyektirovaniye ekonomicheskoy politiki RF v usloviyakh global'noy konkurentsii klimaticheskikh narrativov* [Institutional Design of the Economic Policy of the Russian Federation in the Context of Global Competition of Climate Narratives]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (2A), pp. 121-129. DOI: 10.34670/AR.2026.16.11.013

Keywords

Institutional project, economic policy, low-carbon development, climate regulation, interest groups, distributional coalitions, narrative analysis, energy transition, Russian Federation, sovereignty.

References

1. Auzan, A.A. (2011). *Institutsionalnaya ekonomika: Novaya institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional Economics: New Institutional Economic Theory]. Moscow: INFRA-M.
2. Dorokhin, A.G., & Volkova, A.I. (2025). *Politika ES v oblasti dekarbonizatsii i dostizheniya ekologicheskoy ustoychivosti* [EU policy on decarbonization and achieving environmental sustainability]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 9(4), 453–464.
3. ELEVATE Project. (2025). *Report on barriers for sectoral entry points by country groups: Project Deliverable D3.2*. Zenodo.
4. *Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2050*. (2025). Approved by Decree of the Government of

- the Russian Federation No. 698-r of April 2, 2025. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (15), Art. 2670.
5. Green industrial policy: challenges and opportunities for a globally inclusive and fair energy transition. (2025). Stockholm: Mistra Geopolitics, Stockholm Environment Institute.
 6. Köhnke, F., Steuri, B., Baetcke, L., et al. (2024). A storyline approach: integrating comprehensive, interdisciplinary research results to create narratives – in the context of the net-zero target in Germany. *Frontiers in Environmental Science*, 12, Article 1447025.
 7. Kurbatova, M.V. (2024). *Institutsionalnyy proyekt globalnogo klimaticheskogo regulirovaniya* [Institutional project of global climate regulation]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, (2), 38–52.
 8. Low-Carbon Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2050. (2021). Approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 3052-r of October 29, 2021. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (44), Art. 7455.
 9. Malykh, E.B. (2025). *Rossiya na mirovom energeticheskom rynke: vyzovy i priority* [Russia in the global energy market: challenges and priorities]. *Ekonomika i upravleniye*, 31(9), 1131–1139.
 10. National Security Strategy of the Russian Federation. (2021). Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (27), Art. 5351.
 11. North, D. (1997). *Instituty, institutsionalnyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala".
 12. *Kurs na uglerodnuyu neutral'nost': kak Rossiya budet vystraivat' klimaticheskuyu politiku do 2060 goda*. FederalPress. 05.06.2025. URL: <https://fedpress.ru/news/77/society/3383484>
 13. *Karbonovye fondy: draivery zelenogo perekhoda po vsemu miru. Mezhdunarodnyi tsentr zelenykh tekhnologii i investitsionnykh proektov*. 25.12.2024. URL: <https://igtipc.org/2024/12/25/8122/>
 14. Olson, M. (1996). *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennyye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Moscow: FEI.
 15. Olson, M. (1998). *Vozvyseniye i upadok narodov. Ekonomicheskyy rost, stagflyatsiya, sotsialnyy skleroz* [The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities]. Novosibirsk: EKOR.
 16. *Opyt formirovaniya i razvitiya institutov i mekhanizmov upravleniya v elektroenergetike i VIE v Rossii* [Experience in the formation and development of institutions and management mechanisms in the electric power industry and renewable energy in Russia]. (2024). *Ekonomicheskkiye strategii*, (6), 5–17.
 17. Stankevich, Yu. (2025, January 23). *RF budet igrat aktivnuyu rol v formirovanii novoy klimaticheskoy paradigmy* [The Russian Federation will play an active role in shaping a new climate paradigm]. *Parlamentskaya gazeta*.
 18. *The Climate Doctrine of the Russian Federation*. (2023). Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 812 of October 26, 2023. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (44), Art. 7865.
 19. Volovik, V.V., Fursa, E.V., & Maslyukova, E.V. (2025). *Ekonomicheskaya ideologiya i ekonomicheskaya politika v zerkale narrativov* [Economic ideology and economic policy in the mirror of narratives]. *Journal of Economic Regulation*, 16(2), 22–38.
 20. Zoidov, K.Kh., Bortalevich, S.I., Vavulin, V.A., & Kruglova, L.O. (2025). *Organizatsionno-ekonomicheskkiye mekhanizmy razvitiya energeticheskoy otrasli Rossii v kontekste energostrategii do 2050 goda* [Organizational and economic mechanisms for the development of Russia's energy industry in the context of the energy strategy until 2050]. *Regionalnyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, (5), 5–17.